

✦ Профессиональное кредо

Интервью с проф. Ю.И. Семеновым

Уважаемые коллеги!

Мы предлагаем вам интервью с известным философом, историком и этнологом доктором философских наук, профессором Юрием Ивановичем Семеновым, которое состоялось в Институте человека РАН в декабре 2004г. Беседу вел главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», профессор Ю.М. Резник.

Ю.М. Резник: В первую очередь хочу задать Вам не совсем обычный вопрос: что Вас вдохновляет и побуждает к творчеству в нашей, не легкой для отечественных ученых, жизни? Вот уже на протяжении многих лет Вы продолжаете сохранять высокую творческую и профессиональную активность, демонстрируя научному сообществу новые книги, статьи, лекции, выступления. Попробую предложить Вам некоторые варианты ответа:

— Вас вдохновляет поиск Истины, неиссякаемый познавательный интерес, тяга ко всему новому и неизведанному;

— Вас влечет к новым научным открытиям возможность консолидировать вокруг своих идей учеников, коллег, создать собственную научную школу;

— Для Вас профессиональное творчество — это, прежде всего, способ самореализации, раскрытия своих творческих способностей;

— В научном творчестве Вас привлекают возможность общения с коллегами, взаимное признание и уважение тех ученых, с которыми Вас связывает общая судьба;

— И, наконец, Вас побуждает блеск в глазах и неподдельный интерес к Вашим представлениям молодых почитателей и, возможно, почитательниц.

Ю.И. Семенов: Главное для меня — поиск истины. Меня влечет то, что еще никому не известно, то, что еще никем не открыто. Величайшая радость для меня состоит в том, чтобы узнать то, что до меня никто не знал. Сделать это страшно трудно. Иногда годами бьешься над какой-либо проблемой, отступаешь в изнеможении и вновь и вновь к ней возвращаешься. Есть муки познания, но есть и радость познания. Ведь какое счастье, когда орешек начинает поддаваться, когда преграды падают, и ты видишь вначале полоску света в конце тоннеля, а затем, наконец, выходишь на вольный простор. Во всем том, что казалось хаосом, выявляется строгий порядок.

Я занимаюсь наукой не из-за денег, хотя, конечно, понимаю, что обойтись без них невозможно, не ради славы, хотя меня, конечно, радует, когда мои труды привлекают внимание. В финансовом отношении мне наука практически ничего не давала и не дает. Средства на жизнь я зарабатываю преподаванием. Я всю свою взрослую жизнь работал в вузе, из года в год выполняя полную учебную нагрузку. И хотя от преподавателей вузов требуют заниматься научной работой, но это всё, по существу, во многом формально. После защиты докторской диссертации вполне можно не заниматься никакой наукой. Я занимаюсь поиском истины, познанием истины потому, что не могу этим не заниматься. И это такой труд, который сам в себе таит награду. Нет в мире больше удовольствия, чем поиск истины, причем ради самой истины.

Когда-то, причем очень давно, в работе этнографа Те Ранги Хироа «Викинги солнечного восхода» я наткнулся на песню полинезийских мореплавателей, людей, которые на утлых суденышках избороздили весь Тихий океан и открыли и заселили множество его островов: от Гавайев до Новой Зеландии и от архипелага Тонга до о. Пасхи. Вот она:

*Рукоять моего рулевого весла рвется к действию...
Оно ведет меня к туманному, неясному горизонту,
К горизонту, который расстилается перед нами,
К горизонту, который вечно убегает,
К горизонту, который вечно надвигается...
Это горизонт с неведомой силой
Горизонт, за который еще никто не проникал.
Над нами — нависающие небеса,
Под нами — бушующее море.
Впереди — неизведанный путь,
По нему должна плыть наша ладья¹.*

Я всю свою жизнь в науке всегда старался плыть по неизведанному пути, стремился к горизонту, за который никто ещё не проникал.

Помню, мне стало страшно за науку (и не только за неё), когда я прочитал беседу журналиста А. Минкина с бакалаврами Высшей школы экономики — Антоном и Анной. Она носила название «Молодые людоеды». Приведу отрывки из неё, выделив курсивом привлекшие мое внимание места

«Минкин. Вы сказали: если сократятся люди, зарплата вырастет. Зарплата вырастает из производства. Нефтяные скважины, газ... Если умирают историки, лингвисты, то производство не уменьшается.

Антон. Совершенно верно. А умрут в первую очередь именно они. Вот мы и видим вымирание учителей, вымирание военных.

Минкин. Значит, должны остаться только те, что бурят скважины?

¹ Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959. С. 44.

Антон. Естественно... У нас социальные выплаты достаточно большие. Если мы их сократим, что у нас произойдет?

Минкин. Если перемрут историки и пенсионеры...

Антон. Мы на них не будем деньги тратить. Это плохо, но сейчас у общества не хватает денег на развитие... Мне не интересен человек, который занимается наукой ради науки. Мне интересен человек, который занимается наукой, чтобы получить большие деньги. Вот этот человек заслуживает внимания.

Минкин. Вы сказали: «Меня интересует только тот ученый, который приносит мне деньги».

Антон. Совершенно верно. Вот они и останутся жить.

Минкин. А тот ученый, который расшифровывает письменность Урарту, он должен умереть?

Антон. А он прибыль какую-нибудь приносит?

Минкин. ...должен умереть?

Антон. Что поделаешь...»²

Ясно, что изложенное выше понимание науки и отношение к ней создано не самим Антоном. Он просто повторяет то, чему ему учили в Высшей школе экономики. Наука существует для того, чтобы приносить прибыль. Ценность представляет только такой ученый, который работает, чтобы получить большие деньги. Ученые, которые занимаются наукой ради науки, никому не нужны и должны исчезнуть.

Несомненно, что люди, которые занимаются наукой ради денег, появились не сейчас. Ещё Ф. Шиллер говорил, что для одних ученых наука – богиня, а для других – корова, что дает им молоко и масло. Конечно и ученые, которые работают ради денег, могут что-то сделать для науки и делают. Но даже самые добросовестные из них способны добиваться результатов лишь в пределах того, что в принципе уже науке известно: дополнять, уточнять, конкретизировать и т.п., но не более. Это – ученые-ремесленники, неплохо обрисованные Т. Куном в книге «Структура научных революций». Но на открытие принципиально нового они совершенно неспособны. Двигать науку вперед могут только те ученые, которые занимаются наукой ради самой науки. Чтобы решить никем ещё не решенную проблему, нужно думать над ней не только в официальные рабочие часы, за которые платят деньги, но постоянно, в любое время, включая и предназначенное для отдыха. Иначе ничего не получится. Только бескорыстный поиск истины может привести к желаемому результату.

Если в Высшей школе экономики все придерживаются тех взглядов, что изложил Антон, то ожидать от них какого-либо вклада в развитие науки не приходится. Они способны лишь повторять сказанное другими. Что же касается Антона, то можно заранее сказать, что настоящим ученым он никогда не станет.

Ю.М.: Что оставило наиболее глубокий след в Вашей богатой и насыщенной событиями жизни? Имеет ли это отношение к науке и научному творчеству? Одним словом, скажите, что дает Вам силы и ощущение радости жизни в самые сложные периоды жизни?

Ю.И.: Мне трудно ответить на этот вопрос. Событий было много, но ни одно из них я не могу выделить особо. Даже доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, который, как я видел, потряс в своё время многих, не произвел на меня особого впечатления. Все, что в нем говорилось, я уже несколько лет уже знал, были уточнены лишь некоторые детали. Но что меня тогда уже поразило – это полная теоретическая беспомощность наших руководителей и их советников: доклад содержал лишь чистое описание событий без какого бы то ни было объяснения. Ведь не считать же объяснением ссылку на плохой характер И.В. Сталина. Что же касается того, что мне дает силы, то это всепожирающая страсть к познанию и возможность ее удовлетворить.

Ю.М.: Нашим читателям интересно, где Вы работаете в настоящее время, что составляет круг Ваших повседневных обязанностей и занятий. Вы занимаетесь наукой, преподаете в МГУ, других вузах. Какой из видов деятельности приносит Вам наибольшее удовольствие?

Ю.И.: Последние 38 лет я преподаю философию в Московском физико-техническом институте, всемирно знаменитом Физтехе, до этого я пять лет заведовал кафедрой философии Рязанского медицинского института им. И.П. Павлова, а еще раньше 10 лет был вначале старшим преподавателем, затем доцентом кафедры философии и политэкономии Красноярского педагогического института. Кроме работы в МФТИ, несколько последних лет я преподаю на философском факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Преподавательским трудом я зарабатываю на хлеб себе и семье и тем обеспечиваю себе возможность заниматься наукой.

С тех пор, как поселился в ближайшем Подмосковье (в г. Долгопрудном, в котором находится МФТИ), меня неоднократно приглашали полностью перейти на работу в разные научно-исследовательские институты, но я всегда отказывался, чтобы сохранить возможность заниматься в области науки только тем, что меня интересовало. Если я и работал в тех или иных НИИ, то только по совместительству, что обеспечивало мне свободу научного поиска. В случае попытки принудить меня заниматься тем, что меня не интересует, я всегда легко мог уйти: ведь за моей спиной был Физтех. Вначале я работал у М.Я. Гефтера в секторе методологии истории Института всеобщей истории, пока его не разогнали, а последние более сорока лет в Институте этнографии АН СССР (ныне – Институт этнологии и антропологии РАН). Сейчас я там не работаю, ибо нынешнему директору надоело терпеть в подведомственном ему учреждении «возмутителя спокойствия» – человека, который открыто и прямо выступает с критикой его взглядов и находит, если не явную, то скрытую поддержку среди сотрудников института.

² Минкина А. Молодые людоеды // Московский комсомолец. 30.11.2001.

Из сказанного мною отнюдь не следует, что я рассматривал и рассматриваю преподавательскую работу как своеобразную барщину, которую я вынужден отбывать с тем, чтобы обеспечить свободу собственной научной деятельности. Я люблю преподавать и с удовольствием это делаю. Пожалуй, единственное, что мне не по душе, – принимать экзамены и зачеты. Преподавание, разумеется, отнимает много времени (ведь нужно еще и готовиться к лекциям и семинарам), которое могло бы быть затрачено на науку. Но в то же время оно многое дает для занятия наукой. Человек, работающий, например, в Институте философии, обычно всю жизнь занимается одним из разделов своей науки, а чаще даже одной проблемой. Философ в вузе (исключая философские факультеты) в идеале должен знать всю философию, все ее разделы и проблемы. Мне приходилось читать самые разные курсы, включая и теорию познания, и социальную философию и философию истории, и историю философии, и религиоведение.

Иногда читатели моих книг говорят, что в них все изложено стройно, логично, предельно ясно и понятно. Это во многом результат практики преподавания, которая требует четкого, ясного и понятного изложения материала. Я никогда, даже в старые времена, не излагал содержания тех или иных учебников. Я всегда читал курсы, которые принято называть авторскими, и в них излагал результаты своих собственных исследований в области философии и других наук.

Так как некоторые могут этому не поверить, то я приведу слова человека, который в начале 80-х гг. после окончания философского факультета МГУ пришел работать на кафедру философии МФТИ, которую я тогда возглавлял. Он писал об этом спустя более десяти лет, когда от меня уже никак не зависел: он был заведующим кафедрой истории МФТИ, а я – рядовым профессором. «Кафедра философии МФТИ, – писал он, – оказалась совершенно не такой, как я ожидал её увидеть, не такой, которой были обыкновенно такие кафедры. Среди её преподавателей можно было встретить удивительных людей, читавших студентам и аспирантам лекции, которые в те времена были бы немислимы на философском факультете МГУ. Знаменитый этнограф и историк первобытного общества Ю.И. Семенов читал курс, который назывался «историческим материализмом». В действительности же это был строгий, иногда ироничный и поистине бесстрашный анализ исторического процесса, звучавший тем более убедительно, что Юрий Иванович говорил очень просто и неброско по форме, с той интонацией рассуждения вслух, которая доступна только тем, кто действительно думает о науке и для кого преподавание – один из способов отрешиться от утомительных мелочей повседневности. А между тем на дворе был 1983 г., и когда речь заходила о роли личности в истории – этот сюжет Ю.И. Семенов иллюстрировал, в подробностях рассматривая феномен сталинизма – вдру-

становилось ясно, что интеллектуальная смелость и гражданское мужество действительно сродни друг другу»³.

И пользовался я такой свободой давно. Заведующий кафедрой в Красноярске В.Ф. Голосов не был мелочным человеком и никогда не контролировал мои лекции и семинары. В Рязани я сам заведовал кафедрой. В МФТИ заведующий кафедрой философии Э.М. Чудинов сам читал авторские курсы и никогда не вмешивался в мои дела, а затем после его смерти я сам руководил этой кафедрой, пока не был лишен этой должности по указанию Московского обкома КПСС за чрезмерное вольнодумство и допущение слишком большой свободы мнений среди преподавателей.

Сейчас многие люди, которые процветали в советские времена, изо всех сил пытаются представить себя несчастными жертвами режима. Поэтому я никогда не стал бы говорить об этом эпизоде моей жизни, если не опубликованная в декабре 1993 г. в «Известиях» статья, в которой приведен рассказ одной выпускницы Московского физико-технического института, в настоящее время проживающей в США. Речь в нем шла о доценте кафедры философии МФТИ В.П. Лебедеве, который вел занятия в довольно рискованной манере. «И вот в 1984-м, оруэлловском году, нашего преподавателя Валерия Петровича Лебедева исключают из «рядов» (тогда все преподаватели кафедры общественных наук обязаны были состоять в КПСС) и лишают любимой работы «за чтение и распространение книг антисоветской направленности». Надо сказать, что формулировка несколько раз менялась, но отстранили от работы сразу. Как вы догадываетесь, на следующий день коллеги по кафедре перестали звонить и общаться, и только один человек не побоялся защитить коллегу на бюро Мытищинского горкома, это был завкафедрой Юрий Иванович Семенов, за что он и был тут же снят с должности»⁴. Небольшое уточнение: Мытищинский горком ограничился вынесением мне строгого выговора с занесением в учетную карточку, снять же меня с заведования кафедрой мог только обком. Не могу в этой связи не сказать об удивительной порядочности руководства института. Ректор МФТИ – академик О.М. Белоцерковский, тоже получивший партийное взыскание по этому делу, хотя и более мягкое, несколько месяцев тянул с выполнением указания обкома, надеясь, что о нем позабудут. И только тогда, когда из обкома ему пригрозили лишением должности ректора, он отдал требуемый приказ.

Возвращаясь к вопросу об отношении между преподавательской и научной работами, отмечу ещё один важный момент. Нередко, читая лекцию на ту

³ Пименов А.В. Между прошлым и будущим: история и другие гуманитарные науки на физтехе // Я – физтех (книга очерков). М., 1996. С. 493.

⁴ Васинский А. Счастливо оставаться... О тех, кто уехал, кто дома, кто нигде // Известия. 01.12.1993.

или иную тему, я убеждался, что тот план изложения проблемы, которым я руководствовался в научном труде, не вполне удачен, и его нужно изменить. И часто я тут же на ходу менял ход изложения и убеждался, что сделал правильно. А затем вносил соответствующие изменения в текст работы. Бывало, что в процессе чтения лекции мне приходили в голову новые мысли, и я находил ответ на те вопросы, которые я долгое время не мог ранее решить.

О том, что преподавание философии способствует успеху научной работе в этой и других областях, свидетельствует тот факт, что величайшие философы нового времени И. Кант, И.Г. Фихте, В.Ф.И. Шеллинг и, наконец, Г.В.Ф. Гегель были профессорами университетов.

Ю.М.: Теперь перейдем ближе к теме нашей встречи. Я предлагаю Вам рассказать об основных результатах своей многолетней научной деятельности. Что Вы считаете для себя и своей референтной группы, если таковая имеется, наиболее важным вкладом в развитие исторической науки, философии истории, этнологии? И перед тем, как Вы начнете отвечать, хотелось бы задать еще один вопрос. Кто Вы по своей профессиональной принадлежности — историк, философ, антрополог или междисциплинарный гуманитарного профиля?

Ю.И.: Я окончил исторический факультет и тем самым получил высшее историческое образование. Но при этом следует учесть, что я учился не в университете, где происходит специализация по кафедрам и в результате открывается дорога к научной деятельности в области истории, а в пединституте, причем провинциальном (в г. Красноярске), в котором читаются лишь общие курсы и где готовят не исследователей, а всего лишь преподавателей истории для средней школы. Поэтому я получил профессию не историка, а учителя истории, причем любой, от древней до новой и отечественной. Затем я окончил отделение философии годичных курсов преподавателей общественных наук при Уральском университете. Начав преподавать философию в вузе, я сразу же приступил и к научной деятельности, конечно же, в области именно этой, а не иной науки. И разработкой философских проблем, причем не только историософских, но и теоретико-познавательных (гносеологических), я продолжаю заниматься и до сих пор. В этом смысле я и был, и остаюсь философом, тем более что более полвека преподаю философию в вузах. И этот мой статус официально признан — более сорока лет я обладаю аттестатом профессора по кафедре философии.

Но начиная с конца 60-х гг. у меня практически полностью исчезла возможность публиковать работы по теории познания и философии истории. В результате я стал заниматься проблемами той области знания, где преград было значительно меньше — историей первобытного общества, а тем самым и этнографией первобытности. И здесь я довольно скоро стал настоящим профессионалом, получившим официальное признание — более сорока лет тому назад Институтом этнографии АН СССР мне была присуждена ученая степень доктора исторических наук. Так что я, бесспорно, этнограф и историк.

В области конкретных наук я начал с исследования проблемы возникновения человека и человеческого общества. В монографии «Возникновение человеческого общества» (1962; переиздана в доработанном виде в 1966 г., под названием «Как возникло человечество»); снова переиздана с новым предисловием и приложениями в 2002 г.) я, вероятно, впервые в науке показал, что становление человека (антропогенез) нельзя понять, не рассмотрев становление общества (социогенез), что антропогенез и социогенез представляют собой не два самостоятельных, хотя и тесно связанных процесса, а две стороны одного единого процесса — антропосоциогенеза. Этот предложенный мною термин прижился и широко используется, хотя идею, которая в нем выражена, понимают и принимают далеко не все. Мне удалось показать, что история человечества прежде всего делится на два основных этапа: (1) эпоху антропосоциогенеза, когда ещё только формирующиеся люди (пралюди) жили в ещё только формирующемся обществе (праобществе) и (2) эпоху развития готового сформировавшегося человеческого общества, стадиями развития которого являются общественно-экономические формации.

Понимание единства антропогенеза и социогенеза помогло мне решить многие конкретные проблемы, в частности неандертальскую. Бесспорно, что поздние (классические) неандертальцы (палеоантропы) существенно отклонились от пути, ведущего от ранних палеоантропов к людям современного физического типа (неоантропам, *homo sapiens*), т.е. претерпели такое изменение морфологической организации, которое на языке биологии называется специализацией. Несомненно, что с чисто биологической точки зрения трансформация классических неандертальцев в неоантропов невозможна. Мне же удалось объяснить не просто даже специализацию классических неандертальцев, но и доказать её неизбежность в результате действия социальных факторов, а затем показать, как социальные же факторы сделали необходимым и обеспечили деспециализацию классических палеоантропов и их превращение в *Homo sapiens*. Могут сказать, что открытия последних десятилетий неопровержимо доказали, что классические неандертальцы — тупиковая ветвь, не оставившая потомства. Это не так. Открытия в Африке неоантропов возрастом в 200000–100000 лет многими антропологами ставятся сейчас под сомнение. А ссылки на исследования митохондриальной ДНК поздних неандертальцев дезавуированы исследованиями самых последних лет.

Как мне удалось установить, суть социогенеза состояла в становлении социальных (прежде всего коммуналистических экономических) отношений, ранее на Земле никогда не существовавших, и обуздании ими зоологических инстинктов: пищевого и полового. Вначале был подавлен и введен в социальные рамки первый, а значительно позднее и второй. Половой инстинкт был окончательно поставлен под социальный контроль с появлением экзогамии, рода и группового дуально-родового брака. В результате на смену фор-

мирующемуся человеческому обществу (праобществу) пришло готовое сформировавшееся общество в форме первобытно-коммунистического. Завершение становления общества было одновременно завершением и становления человека. Вместе с родом возник и *homo sapiens*. Более детально процесс становления первобытно-коммунистических отношений был раскрыт в работе «На заре человеческой истории» (1979).

Уже в книге «Как возникло человечество» был дан первоначальный набросок картины возникновения брака и семьи. Окончательно новая схема эволюции брака и семьи была изложена в другой моей работе «Происхождение брака и семьи» (1974), в которой развитие было доведено до нашего времени. Были выделены стадии: (1) неограниченного промискуитета, (2) ограниченного во времени промискуитета, (3) дуально-родового группового брака, (4) эгалитарного индивидуального брака, (5) патриархического индивидуального брака и (6) неогалитарного индивидуального брака.

Помимо всего указанного, в работе «Как возникло человечество» было показано возникновение тотемизма, раскрыт механизм происхождения первой формы религии и выявлены основные стадии эволюции религии в первобытную эпоху: магия, оменализм, фетишизм, эманизм, демонизм, политеизм. Предпринят был и детальный анализ происхождения веры в душу. В последующих работах были вскрыты две основные стадии развития религии в классовом обществе: религии сервиологические (страха и повиновения) и религии сотериологические (спасения и посмертного воздаяния).

Решив в основном проблему происхождения общества, я занялся детальным исследованием первой формы его существования — первобытного общества. В 60–70-х гг. в центре внимания западных этнологов оказались два вида экономических систем: первобытная экономика и крестьянская экономика. Выделился особый раздел этнологии (социальной антропологии), который специализировался на исследовании первобытных и крестьянских экономических отношений, получивший на Западе название экономической антропологии. Многие экономические антропологи пытались создать теорию первобытной экономики. Однако решить данную задачу им оказалось не под силу. Сделать это удалось мне. В работе «Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество» (Вып. 1–3. 1993) была изложена стройная система категорий, отражающая как статику, так и динамику развития экономических отношений, начиная с первобытно-коммунистических и кончая тем способом производства, который долгое время было принято именовать «азиатским».

Это была первая в истории мировой научной мысли теория одной из некапиталистических экономических систем. До этого в науке существовали теории только капиталистической экономики. Так как из первобытной экономики возникли все докапиталистические экономические системы, то создание данной теории давало ключ к пониманию и сущности всех их. Спо-

собствует этому и выработанная мною несколько позднее теория крестьянской экономики.

Разработка теории первобытной экономики сделала возможным создание подлинно научной периодизации эволюции первобытного общества. Были выделены стадии (1) раннего первобытного общества, (2) позднего первобытного общества, (3) предклассового общества. Эта периодизация сейчас широко используется в нашей науке. Развивая дальше эту периодизацию, я пришел к выводу, что две первые ступени развития первобытного общества представляют собой не стадии эволюции одной общественно-экономической формации, а две тесно связанные, но, тем не менее, разные общественно-экономические формации: первобытно-коммунистическую и первобытно-престижную. Во второй первобытной формации огромную роль играла так называемая престижная экономика, тайну которой мне с огромным трудом удалось все же раскрыть.

Чтобы покончить с первобытностью, добавлю, что я много занимался разработкой проблем обычного права. Все правоведы и большинство этнографов считают, что обычное право, как и любой другой вид права, существует лишь в классовом обществе. Я же доказал, что обычное право как особая система норм, отличная от морали, возникла в глубокой древности, вначале исключительно для регулирования отношений между членами разных первобытных социоисторических организмов и лишь затем проникло вовнутрь этих обществ. В последующем обычное право уже предклассового общества с возникновением государства, с одной стороны, легло в основу столь привычного для нас законного права, с другой — трансформировалось в обычное право крестьянских общин.

При исследовании социально-экономической структуры предклассового общества мне удалось выявить существование трех новых форм эксплуатации человека человеком, которые я назвал доминарной, магнарной и нобиларной. Впоследствии выяснилось, что в предклассовом обществе параллельно существовало, по меньшей мере, шесть социально-экономических типов социоисторических организмов, и поэтому его нельзя охарактеризовать как общественно-экономическую формацию. Один из этих типов — формирующееся общество с «азиатским способом производства». Именно это общество дало начало первым классовым социоисторическим организациям, первым цивилизациям.

Много лет я бился над проблемой «азиатского» способа производства, а тем самым и «азиатской» общественно-экономической формации. Моя работа, в которой я первым в СССР после насильственного прекращения власти в начале 30-х гг. первой дискуссии об азиатском способе производства, выступил с критикой безраздельно господствовавшей в нашей исторической и философской науке точки зрения на социально-экономический строй Древнего Востока как на рабовладельческий, была опубликована ещё в 1957 г.

И только спустя семь лет (в 1964 г.) не только в СССР, но и среди последователей марксизма во всём мире началась вторая дискуссия об азиатском способе производства, которая, как и первая, спустя несколько лет была прикрыта в нашей стране по указанию сверху. В ней я принял самое активное участие, разумеется, на стороне противников ортодоксального взгляда.

Как известно, у К. Маркса, который ввел понятие «азиатского способа производства», его характеристика отличалась крайней противоречивостью. С одной стороны, он утверждал, что в «азиатском» обществе не было частной собственности на землю и другие средства производства, с другой — не мог не признать, что в нем существовала эксплуатация человека человеком, общественные классы и государство.

С тем чтобы выбраться из этого противоречия, нужно было вскрыть сущность собственности вообще, частной собственности в особенности. Я прежде всего уточнил, что существуют два вида отношений собственности: (1) волевые, которые в классовом обществе принимают форму правовых, (2) экономические отношения собственности, они же социально-экономические (производственные) отношения. Было введено понятие ячейки собственности. Затем была выделена общесоциальная собственность, которая представляет собой совместную собственность всех членов социоисторического организма. Формами несоциальной собственности являются отдельная, обособленная и частная собственность. Частная собственность есть такая собственность одной части членов социоисторического организма, которая позволяет ей безвозмездно присваивать продукт труда другой (и при этом всегда большей) части членов общества. Члены класса эксплуататоров могут владеть средствами производства по-разному: (1) каждый по отдельности, тогда перед нами персональная частная собственность, (2) группами, тогда мы сталкиваемся с групповой частной собственностью и, (3) все вместе взятые, но ни один в отдельности. Таким образом, я впервые покончил с отождествлением частной собственности с персональной собственностью, которое мешало понять природу «азиатского» способа производства.

Когда члены господствующего класса совместно владеют средствами производства, перед нами общеклассовая частная собственность, всегда принимающая форму государственной. Следствием является совпадение господствующего эксплуататорского класса с ядром государственного аппарата. И в этом заключается разгадка тайны «азиатского» способа производства, который с полным основанием можно назвать политарным способом производства (от греч. полития — государство). Члены господствующего класса — политаристы — всегда образуют корпорацию — политосистему, возглавляемую одним из членов этого класса — политархом, который является главой государства и распорядителем всего прибавочного продукта.

Общая теория политарного способа производства, а тем самым и политарной общественно-экономической формации, была изложена в работе,

которая была написана в 1974 г., рекомендована к публикации в сборнике работ сектора истории первобытного общества Института этнографии, выброшена в издательстве «Наука» из него и, в конце концов, в сокращенном виде и под камуфляжным названием («Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения») напечатана в 1980 г. в одном из сборников Института востоковедения.

Как выяснилось в дальнейшем, существует не один, а несколько политарных способов производства. Один из них — древнеполитарный способ, возникший на Древнем Востоке и просуществовавший в Азии до конца XIX в. Он бытовал в двух видах («городском» и «сельском») и в трех формах (политообщинной, политоминарной и политомагнарной). Разные варианты политарного способа производства возникали в разные эпохи в Спарте, Древнем Риме, Северной Европе, в России, в Западной Европе начала Нового времени.

Один из вариантов политарного способа производства — неополитарный — возник в России после Октябрьской рабоче-крестьянской революции 1917 г. Так, исследование предклассового и ранних классовых обществ привело к пониманию сущности социально-экономического строя СССР. К выводу о том, что в СССР и в других странах так называемого социалистического лагеря существовал не социализм, а неополитаризм, я окончательно пришел ещё в начале 70-х гг. Статья, в которой была изложена теория политарного способа производства, была потому и выброшена из сборника, что заведующий отделом археологии и этнографии издательства «Наука» понял, что все основные её положения вполне могут быть применены для характеристики и нашего общества. Более или менее детальная картина становления неополитаризма в СССР была нарисована в статье, написанной в начале 1991 г., категорически отвергнутой журналами «Социологические исследования» и «Свободная мысль» и, наконец, опубликованной в расширенном виде, в 1993 г. в мало кому известном малотиражном альманахе «Российский этнограф». Она называлась «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке».

От сказанного выше закономерен переход к проблемам философии истории. Мною было выделено пять основных значений слова общество в языке науки: (1) отдельное конкретное общество — социоисторический организм (сокращенно — социор), (2) региональная система социоисторических организмов, (3) все существовавшие и существующие социоисторические организмы вместе взятые — человеческое общество в целом, (4) общество вообще, (5) общество вообще определенного типа (тип общества, особенное общество). То, что существуют отдельные конкретные общества, знали все, но это знание было имплицитным, я же впервые сделал его эксплицитным. Введение категории социоисторического организма позволило понять природу и общественно-экономической формации вообще, и конкретных общественно-экономических формаций. Стало ясным, что каждая конкретная обще-

ственно-экономическая формация есть тип общества, выделенный по признаку социально-экономической структуры, и как всякий тип она существует не самостоятельно, не как таковая, а только в социоисторических организмах данного типа.

Все это позволило по-новому взглянуть на процесс смены общественно-экономических формаций. Как считают все марксисты, схема смены общественно-экономических формаций воспроизводит внутреннюю необходимость развития всех социоисторических организмов. Но возникает вопрос, что значит всех социоисторических организмов: каждого из существующих социоисторических организмов, взятого в отдельности, или же всех их только вместе взятых, т.е. человеческого общества в целом. Марксисты существование этого вопроса сколько-нибудь четко не осознавали, ибо в марксистской концепции истории отсутствовала категория социоисторического организма. Но ответ на этот вопрос они, сами того четко не осознавая, практически все же давали. И он состоял в том, что схема смены общественно-экономических формаций в идеале должна реализоваться в истории каждого социоисторического организма. Общественно-экономические формации суть прежде всего стадии развития социоисторических организмов и только тем самым всемирной истории. Такое понимание смены общественно-экономических формаций можно назвать линейно-стадиальным. Оно находилось в вопиющем противоречии с исторической реальностью, что давало противникам марксизма основание говорить о несостоятельности материалистического понимания истории.

Но кроме такого понимания смены общественно-экономических формаций возможно и принципиально другое: схема смены общественно-экономических формаций воспроизводит внутреннюю необходимость развития социально-экономических организмов только взятых вместе. В таком случае общественно-экономические формации выступают, прежде всего, как стадии развития человеческого общества в целом. Они могут быть и стадиями развития отдельных социоисторических организмов. Но это совершенно не обязательно. Смена формаций в масштабах человечества в целом может происходить и без их смены в качестве стадий развития социоисторических организмов. Одни формации могут быть воплощены в одних социоисторических организмах и их системах, а другие формации — в совершенно иных социоисторических организмах и их системах. А это предполагает передачу исторической эстафеты от одних систем социоисторических организмов к другим их системам. Такая интерпретация смены общественно-экономических формаций может быть названа *глобально-формационным*, а более широко — *глобально-стадиальным* пониманием истории.

Именно такое понимание всемирной истории было изложено и обосновано во многих моих работах и наиболее полно в книге «Философия истории от древности до наших дней: Общая теория, основные проблемы, идеи и кон-

цепции» (2003). Такое понимание делало совершенно необходимым учет связей не только «вертикальных», диахронных, т.е., связей между различными стадиями развития тех или иных социоисторических организмов, но и связей «горизонтальных», синхронных, т.е. связей между одновременно существующими и воздействующими друг на друга социоисторическими организмами. Мною была разработана и введена оборот целая система понятий, конкретизирующих глобально-формационное понимание всемирно-исторического процесса: межсоциорное взаимодействие, социорная индукция, исторические миры, исторический центр (мировая историческая система) и историческая периферия, супериорные и инфериорные социоисторические организмы, супериндукция и инфраиндукция, супериоризация, латерализация, общественно-экономическая параформация, ультрасупериоризация, историческое гнездо, историческая арена, центральное всемирное историческое пространство, историческая зона. Все эти понятия дают возможность лучше понять не только историю, но и современность, выявить основные действующие сейчас тенденции.

В частности, они позволили понять, что российские революции и 1905–1907 гг., и 1917 г. не были ни буржуазно-демократическими, ни социалистическими. Они, как и революции первых двух десятилетий XX в. в Иране, Турции, Китае, Мексике, были направлены против воцарившегося в этих странах периферийного капитализма, а тем самым против капитализма вообще и в этом смысле были антикапиталистическими. Их объективная задача состояла в том, чтобы сбросить бремя зависимости от Запада, покончить с эксплуатацией этих стран мировым центром. Из них победила лишь одна — Великая Октябрьская рабоче-крестьянская революция. Её победа дала возможность России-СССР превратиться в одну из двух сверхдержав мира.

Кроме перечисленных выше проблем я серьезно занимался и многими другими. Первым в отечественной науке я выдвинул положение о том, что этнос (этническая общность) и нация представляют собой качественно различные явления, относящиеся к разным сферам жизни общества, и разработал теорию как этноса и этнических процессов, так и нации и национальных движений. Сейчас это положение принимается многими учеными и практиками. Если большинство этнографов полагало, что этносы в истории человечества существовали всегда, то я, на мой взгляд, достаточно убедительно, показал, что они возникли довольно поздно — лишь с переходом к классовому обществу. В первобытном обществе никаких этносов не было.

Ю.М.: Вашему перу принадлежит целое семейство книг. Я знаю некоторых людей, которые выпускают по одной — две и более книг в год. Однако большинство из них так и уходят в неизвестность, не получив признания заинтересованных читателей. Недавно Вы переиздали книгу «Как возникло человечество», которая вышла в свет более 40 лет назад. Что же все-таки вызвало, на Ваш взгляд, столь длинную жизнь этой книги? Почему у нее до сих пор имеются свои читатели?

Ю.И.: У моей работы «Как возникло человечество» действительно счастливая судьба. Когда она вышла в Красноярске в 1962 г. под названием «Возникновение человеческого общества» тиражом всего в 500 экземпляров, то сразу же привлекла к себе внимание специалистов. Именно за нее мне была присуждена ученая степень доктора исторических наук. А когда защита закончилась и были объявлены результаты голосования, то председатель Ученого совета, директор Института этнографии, выдающийся этнограф, историк и археолог С.П. Толстов предложил Совету утвердить ее к печати с тем, чтобы она была переиздана большим тиражом издательством АН СССР «Наука». И она под новым названием «Как возникло человечество», на котором настояло издательством, вышла в 1966 г. тиражом в 40 тыс. экземпляров и на многие годы стала настольной книгой студентов исторических факультетов университетов и пединститутков. Книга была переведена и издана в Венгрии и Японии. Затем я написал несколько других работ на те же или сходные темы: «Происхождение брака и семьи» (1974) и «На заре человеческой истории» (1989). Мне казалось, что моя первая книга навсегда ушла в прошлое. И поэтому, когда в 2000 г. ко мне обратился директор Государственной публичной исторической библиотеки России с просьбой разрешить переиздать «Как возникло человечество», я был застигнут врасплох: ведь со дня выхода ее прошло почти сорок лет, за которые был накоплен новый огромный археологический и палеоантропологический материал. На мой вопрос о том, что побудило руководство библиотеки выступить с таким предложением, мой собеседник ответил, что книгу постоянно спрашивают, а имеющиеся экземпляры истрепаны до предела, пришли в полную негодность. Причем выяснилось, что так обстоит дело и в других крупных библиотеках: в библиотеке МГУ, например, вообще нет ни одного целого экземпляра. Подумав, я в конце концов дал согласие на переиздание книги в неизменном виде, но с добавлением нового предисловия и двух приложений, в которых дана характеристика всего нового, что обрела наука за истекшие годы.

Ю.М.: *Ваша «Философия истории», вышедшая уже вторым изданием, начинается с раздела «Проблема субъекта исторического процесса». В качестве субъектов называются человечество, общество, государство, страны, народы, этносы, нации, цивилизации и даже культуры. В каком смысле Вы рассматриваете культуру (культуры) как субъект истории?*

Ю.И.: В «Философии истории» я первоначально перечисляю все социальные образования, которые те или иные мыслители рассматривали в качестве субъектов исторического процесса, в том числе и локальные культуры. А затем я показываю, что реальными субъектами истории являются только общества: первичными — конкретные отдельные общества, социоисторические организмы (Вавилония, Афины, Франция и т.п.), вторичными — системы социоисторических организмов (Западная Европа, Латинская Америка и т.п.), третичным — человеческое общество в целом. Вопреки Л. Фробениу-

су и О. Шпенглеру культуры субъектами истории быть не могут, ибо культура всегда есть не субстанция, а акциденция. Культура самостоятельно не возникает и не существует, она — всегда продукт общества.

Ю.М.: *Еще один вопрос, относящийся к проблеме субъекта исторического процесса. Вы вносите новый оттенок в понимание нации и этноса. Основное отличие между ними — способ существования общности. Этнос проявляет себя в различных процессах — ассимиляции, инкорпорации, консолидации и т.д. Нация же есть прежде всего политическая сила, которая реализуется в ходе национальных и общественных движений. Опровергая сталинское определение нации, Вы избегаете прямой трактовки понятия «нация». В чем же заключается специфика нации?*

Ю.И.: В «Философии истории» я раскрываю сущность не только этноса (этнической общности), но и нации. Этнос — совокупность людей, имеющих общий язык, общую культуру и осознающих как свое единство и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения. Нация же есть совокупность людей, имеющих одно общее отечество, которым в идеале является социоисторический организм, основанный на рыночных связях. Нация всегда является определенной политической силой. Ее могут составлять представители как одного этноса, так и нескольких. Яркий пример полиэтничной нации — швейцарская, в состав которой входят представители четырех этносов: германо-швейцарцы, франко-швейцарцы, итало-швейцарцы и ретороманцы. Кроме наций, образованных по принципу принадлежности к населению одного социоисторического организма, — социорных наций (соционаций), существуют и иные. Когда тот или иной этнос, живущий в составе социоисторического организма, в котором имеются и другие этносы, подвергается дискриминации, той форме социального гнета, который принято называть национальным, то он образует политическую силу, стремящуюся превратить область, которую он компактно населяет, в особый социоисторический организм, в свое собственное единое отечество, что невозможно без создания собственного государства. Происходит то, что можно назвать нациезацией этноса: этническая общность становится одновременно и национальной общностью. Нация в таком случае формируется по признаку принадлежности составляющих ее людей к определенному этносу, что создает иллюзию полного тождества нации и этноса. Такую нацию можно назвать этнической нацией (этнонацией).

Ю.М.: *Несколько слов скажите о стиле Вашего мышления и изложения. Кто Вы больше по характеру: мыслитель, рассказчик или писатель?*

Ю.И.: Я по своему характеру — мыслитель, сугубый рационалист. Описательный стиль, особенно эмоциональный, мне чужд. Отхожу я от этого правила лишь тогда, когда прибегаю к сарказму, что заметно в моих рецензиях и ответах оппонентам.

Ю.М.: *После знакомства с Вашими книгами у меня сложилось впечатление, что в них преобладает стиль исторического, а не философского мышления. Опи-*

сания, классификации, систематизации, а не дедуктивные и даже спекулятивные положения. Так ли это на самом деле? Как Вам удастся сочетать строгий исторический анализ и философский поиск? Что для Вас означает философствовать — стремиться к истине или искать (выражать) собственную правду?

Ю.И.: Во всех моих работах на первом месте находится теория. Эмпирический материал в них присутствует постольку, поскольку он является базой для создания и обоснования теории. Но у меня есть работы как чисто философские, так и чисто исторические и этнографические. В первых присутствует философский стиль мышления, во вторых — исторический. Да иначе и быть не может. Будучи философом, я разрабатываю метод познания, как самый общий, так и специально исторический, являясь историком и этнографом, я использую этот метод в конкретных своих исследованиях и в ходе их выявляю, насколько он действенен, насколько он полезен, что в нем работает, а что не работает, чего в нем не хватает, что себя оправдывает, а что требует дальнейшего совершенствования. Для меня важна истина, какой бы она ни была. Если я убеждаюсь, что та или иная моя гипотеза или даже теория неверна, я безжалостно ее отбрасываю, независимо от того, сколько трудов она мне стоила. Для меня не существует никакой моей собственной правды, моя цель — постичь объективную истину.

Ю.М.: В предисловии к «Философии истории» Вы специально разделяете историологию как науку об истории, философию истории, в задачу которой входит познание сущности исторического процесса, описательную, нарративную и теоретическую историологию. Историософия как система общих идей об историческом процессе является, по Вашему мнению, частью философии и ядром теоретической историологии.

Ю.И.: Вы меня правильно поняли. Я различаю в составе исторической науки описательную (нарративную) историологию и теоретическую историологию, которая до сих пор не получила полного признания. Философия истории (историософия), являясь неотъемлемой частью философии, одновременно представляет собой ядро общей теоретической историологии.

Ю.М.: Мне приходилось слышать от коллег, что Ю.И. Семенов придерживается в своих работах модифицированной версии марксизма. Каковы же в действительности идейные основания Ваших научных исследований? Кто Вы в идейном плане?

Ю.И.: Из всех трех частей марксизма я здесь буду говорить лишь о философии. Каждая научная теория состоит из ядра, окруженного периферией. Ядро образует система основных идей. Ни от одной из этих идей нельзя отказаться без отхода от всей данной теории в целом. Идеи, относящиеся к периферийной части теории, можно менять, сохраняя приверженность данной теории. Например, отказ от идеи общественно-экономической формации есть отход от материалистического понимания истории (не добавляю марксистского, ибо много материалистического понимания истории, кроме со-

зданного Марксом, в природе не существует). А вопрос о числе общественно-экономических формаций и о характере их смены есть вопрос не принципа, а фактов. Признание бытия в прошлом человечества и пяти, и шести и более формаций не находится в противоречии с сущностью исторического материализма. Важно здесь лишь одно — соответствуют эти представления исторической реальности или не соответствуют.

Я разделяю все основные идеи, лежащие в основе марксистской философии, и поэтому считаю себя марксистом. Но, принимая их, я одновременно разрабатываю эти идеи на основе нового фактического материала. Напомню, что В.И. Ленин в свое время писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное: мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»⁵.

Больше всего до сих пор я занимался разработкой проблем исторического материализма. Дело в том, что когда К. Маркс и Ф. Энгельс создавали материалистическое понимание истории, существовала теория лишь одной экономической системы — капиталистической. Конечно, названные мыслители принимали во внимание существование и иных, кроме капиталистической, экономик, но о них в то время мало что было известно. Поэтому их набросок теории исторического материализма отличался, если можно так выразиться, своеобразным «капитализмоцентризмом»: то, что было характерно в основном лишь капитализму, они нередко и принимали, и выдавали за общее, присущее всем способам производства. Я не просто детально изучил первобытную экономику, но и создал первую ее теорию. Много я занимался исследованием и других докапиталистических способов производства, что нашло выражение в моей работе «Введение во всемирную историю» (Вып. 1–3. М., 1997–2001). Это позволило мне в значительной мере избавиться исторический материализм от «капитализмоцентризма». Именно последний, например, лежит в основе сведения Марксом и Энгельсом развития производительных сил общества к прогрессу техники производства. Мне удалось выявить еще два, кроме технологического, способа повышения уровня развития производительных сил общества: темпоральный и демографический. Первый, характерный для древнеполитарного общества, заключался в увеличении рабочего времени (человек должен был трудиться больше часов в день и больше дней в году), второй, присущий античному (рабовладельческому, серварному) обществу, — в увеличении доли производителей в составе населения общества.

По-новому были разработаны в моих работах и многие другие проблемы философии истории. Но самым важным я считаю замену линейно-стадиальной интерпретации смены общественно-экономических формаций глобально-стадиальной.

⁵ Ленин В.И. Наша программа // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

В заключение коротко коснусь своего отношения к двум другим частям марксизма. Я исхожу из того, что современное общество как было, так и остается капиталистическим. То, что именуется постиндустриальным, информационным, сервисным и т.п. обществом, не есть какой-то принципиально новый тип общества, а лишь новый этап развития капитализма. Капитализм сейчас в любой своей форме пережил себя. Его дальнейшее существование с неизбежностью ведет человечество не просто даже к одичанию, но к возвращению на новой основе в животный мир, к озверению. Капитализм, разрушая всяческую мораль, уничтожая чувства долга, чести и совести, ведет к потере людьми своей человеческой сущности, к превращению их в животных. Единственный выход из создавшегося положения состоит в замене капитализма обществом принципиально нового типа, которое будет основано не на частной, а на общественной, социорной собственности на средства производства. В этом смысле я являюсь социалистом, коммунистом, хотя не принадлежу ни к одной из существующих левых или претендующих на левизну политических партий и не собираюсь вступать ни в одну из них.

В советское время я числился в числе тех, которых руководители нашего идеологического фронта, считавшие или выдававшие себя за правых марксистов, именовали ревизионистами и путаниками. После 1991 г. почти все эти сановные ортодоксы превратились в ярых гонителей марксизма, а бывшие «путаники» и «ревизионисты» в большинстве своем сохранили приверженность к этому учению.

Ю.М.: Сегодня много говорят и пишут о парадигмах познания. Дело дошло до того, что термин «парадигма» стал применяться не по прямому назначению, например, для обозначения пути общественного развития и т.д. Насколько уместно оценивать Ваши научные взгляды сквозь призму исследовательской парадигмы?

Понятие парадигмы мне представляется во многом надуманным и пустым. Я не нуждался и не нуждаюсь в нем, равно как и в понятии «дискурс».

Ю.М.: Что Вы намереваетесь сделать в ближайшее время? Каковы Ваши творческие планы на будущее?

Ю.И.: Я уже говорил ранее о том, что всегда занимался, помимо всего прочего, проблемами гносеологии, логики и онтологии, но практически был лишен возможности публиковать полноценные работы, всецело посвященные им. Я рассматривал некоторые из этих проблем в ряде небольших работ, опубликованных в самом начале моей научной деятельности, и в нескольких самых последних, в частности, во вступительной статье к новому изданию книги известных французских историков Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (2004). Если будет время, здоровье и возможность, я попытаюсь написать работу «Введение в науку философию», в которой будет дано систематическое изложение всех чисто философских проблем и, прежде всего, вопросов теории и предельно общей методологии познания.

✦ Обзоры, рефераты и рецензии

НОВЫЕ КНИГИ НАШИХ КОЛЛЕГ

ВДОХ И ВЫДОХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Кармин Н.А., Турлак В.А. Эстетика перемен. М., 2004. — 372 с. 5000 экз.

Первое монографическое исследование духовно-эстетических структур реформаторских эпох в России, смысловая традиция которого полнее всего воплощена в деятельности Петра I, Александра II и Владимира Путина. Авторы анализируют стратегии художественного исследования преобразований социальной и экономической реальности. Они рассматривают, как модернизация российского социума приобретает в XIX в. все более широкий культурный контекст.

«Проклятие жить в эпоху перемен», — считали древние китайцы. Но здесь в России реформы постоянно меняют траекторию социальной динамики. Что же заставляет людей бросаться в омут преобразований, создающих в обществе «неравновесное состояние»? Каким образом происходит парадигмальный сдвиг в обществе? От чего вообще душа томится: хочется изменений, но здравый рассудок подсказывает: ничего, кроме страданий, не получится...

Авторов интересует общество в момент его брожения, когда обнаруживается творческое состояние социальной жизни. Они изучают общественный драматизм, предельное напряжение социума, захваченного новым культурно-цивилизационным проектом. Н.А. Кармин и В.А. Турлак вводят читателей в эстетику истории, выставляют манку власти. Тут уместны слова В.В. Розанова: «Это судьба европейца — в каждом новом поколении переживать благо и трагедию исторического существования».

И все же почему эстетика, а не философия истории? Авторы вознамерились разглядеть в общественной динамике такие события, которые можно понять только через художественные принципы. Именно эстетика истории описывает граничные состояния социального существования как творческие состояния мира. По мнению авторов, в одном только «Медном всаднике» дана целая метафизика перемен.

Авторы пытаются выявить место эстетического знания в современной философии перемен, характерные для искусства XIX в. принципы художественной рефлексии над реформаторской деятельностью. Реформа, как показывают авторы, чем-то сродни роману или поэме, написанной гением. Толь-